

2007112080

Исторія Смоленской земли до начала XV вѣка.

Монографія П. В. Голубовскаго. Кіевъ. 1895 г.

Рецензія К. Бестужева-Рюмина.

Кіевскіе ученые, ученики пр. Антоновича, задались важною задачею изучить судьбы разныхъ земель Южной Руси въ такъ называемый кіевскій періодъ. Не говорю, что изъ ихъ среды не выходило никакихъ другихъ изслѣдованій; но этотъ кругъ ихъ изученій выдается особенно ярко и ведется полно. Конечно, не всѣ труды эти отличаются одинаковымъ достоинствомъ, но всѣ вносятъ значительный свѣтъ въ эту область русской исторіи, все еще недостаточно обработанную, хотя именно на нее устремлены были значительныя успія тружениковъ, и такимъ образомъ главные контуры періода уже опредѣлились, но подробное изученіе только теперь начинается, а потребность въ немъ давно уже чувствовалась. Въ рядахъ дѣятелей этого мѣстнаго, такъ сказать, направленія П. В. Голубовскій занимаетъ видное мѣсто: постоянная серьезность и осторожность его изслѣдованій давно уже обратили на себя вниманіе специалистовъ. Его кандидатскимъ сочиненіемъ явилась «Исторія Сѣверской земли», магистерскою диссертациею — «Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ»; нынѣ издаетъ онъ свою докторскую диссертацию. Каждый трудъ пр. Голубовскаго является серьезнымъ вкладомъ въ науку. Такой же характеръ носитъ и новое его сочиненіе. Въ этой книгѣ мы встрѣчаемъ серьезное изученіе источниковъ и пособій и критическое отношеніе къ нимъ. Къ сожалѣнію, онъ не предположилъ своему изложенію очерка литературы предмета и тѣмъ возбудилъ противъ себя укоръ критики. Если бы онъ это сдѣлалъ, то указалъ бы, въ какой степени не самостоятельна книга Никитина (Исторія Смоленска. М. 1847) въ тѣхъ главахъ, которыхъ

касаются изслѣдованія пр. Голубовскаго. Можно ли говорить, какъ о серьезномъ сочиненіи, — о книгѣ, которая ссылается не на лѣтописи, а на «Исторію Государства Россійскаго», «Исторію Русскаго народа» и даже «Русскую Исторію» С. Н. Глинки; даже «Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи», неупоминаніе о которомъ пр. Корсаковъ считаетъ пропускомъ въ «Исторію Смоленской земли», не могло бы удовлетворить историка; въ немъ слишкомъ мало критики относительно періода до-Литовскаго. Съ большимъ правомъ можно было бы упомянуть о книгѣ Е. П. Писарева: «Смоленскъ и его исторія». См. 1893, представляющей любопытныя данныя для топографіи Смоленска. Отсутствие изслѣдованія о лѣтописяхъ, касающихся смоленскихъ событій, составляетъ, по нашему мнѣнію, значительный пробѣлъ въ «Исторіи Смоленской земли». Казалось бы необходимымъ отмѣтить участіе смоленскихъ лѣтописей въ компиляціи, называемой Кіевскою лѣтописью («Ипатскій списокъ»), въ литовскихъ лѣтописяхъ (о чемъ уже было указано въ польской литературѣ), а можетъ быть въ такъ называемомъ сборникѣ Абрамки, въ которомъ, очевидно, Абрамка мало виноватъ, ибо имя его встрѣчается въ припискѣ къ статьѣ о смерти епископа Арсенія и притомъ въ самой этой статьѣ два почерка, Абрамка же встрѣчается во второмъ. Словомъ, это копія съ какой-то компиляціи изъ Супрасльскаго лѣтописи, неизвѣстной Новгородской, Юридическаго сборника, Сказанія о смерти Арсенія и Литовской лѣтописи (списка той, которая была уже издана Даниловичемъ и Поповымъ). Нельзя не пожалѣть, что пр. Голубовскій не сдѣлалъ подобнаго введенія при началѣ своего изслѣдованія. Не сомнѣваемся, что онъ сдѣлалъ бы его вполне компетентно, а теперь еще могутъ возникать вопросы, которые онъ разрѣшилъ бы окончательно. Указаніе сборниковъ актовъ, которыми онъ пользовался, было бы также въ высшей степени полезно.

Трудъ свой авторъ начинаетъ съ изученія географіи и этнографіи Смоленской земли. Здѣсь онъ выказываетъ большую начитанность какъ въ географической, такъ и въ археологической литературѣ. Мы встрѣтили замѣчаніе, что онъ, можетъ быть, слишкомъ далеко распространяетъ на западъ финское племя въ древнѣйшую пору; но это — вопросъ спорный, хотя и нельзя не сознаться въ томъ, что разница въ типѣ погребенія невольно наводитъ на мысль о разности народовъ. Замѣчаніе, что типъ погребенія можетъ быть одинаковъ у разныхъ народовъ, живущихъ другъ отъ друга въ большемъ отдаленіи, въ настоящемъ случаѣ не можетъ считаться рѣшительнымъ; берется народъ, который живетъ ближе и стало быть могъ быть въ сношеніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ гр. Уваровъ указалъ правильную точку воззрѣнія на этнографическое значеніе типа погребенія, когда онъ рекомендовалъ, начиная съ центрального пункта племени, идти къ его окра-

инамъ — типъ погребенія сталъ вѣрнымъ мѣриломъ народности. Труды преимущественно кievскихъ ученыхъ много способствовали опредѣленію границъ между племенами. Предпославъ своему этнографическому введенію географическій обзоръ территоріи, авторъ завершаетъ главу обширнымъ топографическимъ обзорѣмъ Смоленской земли. Здѣсь онъ пользуется какъ новыми трудами («Городскія поселенія», «Списки населенныхъ мѣстностей», «Описаніе Смоленской губерніи»), такъ и актами и лѣтописями. Этотъ обзоръ приводитъ автора къ тому выводу, что Смоленская область была гораздо обширнѣе, чѣмъ она представлялась его предшественникамъ. Такой выводъ былъ результатомъ внимательнаго приурочиванія данныхъ актовъ (напримѣръ, грамотъ Ростислава объ учрежденіи епископіи) къ наличнымъ даннымъ топографическимъ. Этотъ выводъ весьма важенъ и съ той точки, что выясняетъ политическое положеніе Смоленской земли въ кievскій періодъ. Подробную повѣрку указаній автора надо предоставить специалистамъ; но сличая его показанія съ его же картою, можно считать ихъ основательными. Чрезвычайно любопытно указаніе автора на двоеданность нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстъ. Это было извѣстно и прежде, но не было такъ поставлено на видъ. Перечитывая эту главу, можно замѣтить, что авторъ умѣетъ воздавать должное старымъ заслуженнымъ изслѣдователямъ. Такъ онъ высоко ставитъ Надеждина, котораго теперь начинаютъ опять признавать (напримѣръ, пр. Филевичъ). Въ одномъ случаѣ только напрасно авторъ слѣдовалъ Надеждину, признавая Авретинскую возвышенность отраслю Карпатовъ (стр. 7); въ настоящее время принято то мнѣніе, что Карпаты не входятъ въ Россію (Д. Н. Анучинъ: «Рельефъ поверхности Европейской Россіи», стр. 76). Въ этнографической части главы авторъ въ особенности останавливается на взаимныхъ отношеніяхъ Кривичей и литовскаго племени, что связано съ вопросомъ объ образованіи бѣлорусскаго нарѣчія, начавшагося, по вѣроятному замѣчанію автора, еще задолго до образованія Литовскаго государства. Взаимныя отношенія этихъ племенъ не разъ уже обращали на себя вниманіе изслѣдователей; особенно много занимался ими Бѣляевъ въ своихъ «Разсказахъ», т. IV, но конечно, еще много нужно изслѣдованій, преимущественно филологическихъ, для окончательнаго рѣшенія этого вопроса. Такое же вниманіе нужно и для вопроса объ отношеніяхъ къ Финнамъ, котораго, какъ мы видимъ, авторъ касается въ этой же главѣ, признавая возможность древнѣйшаго финскаго населенія на смоленской территоріи. Разграниченію славянскихъ племенъ, сходящихся въ Смоленской землѣ или сосѣдившихъ съ нею: Кривичей, Радимичей, Сѣверянъ, Славянъ, Дреговичей, авторъ посвящаетъ много труда. Думаю, что и съ этой стороны трудъ его не останется безплоднымъ — нельзя не замѣтить, что болѣе и болѣе усиливающееся вниманіе къ топографіи, этногра-